

Проследив за тем, как медленно смыкаются тяжелые створки дверей, Ши Вэйчжоу наконец перевел дух. Откинувшись на спинку кресла, он с легким отголоском детского восторга крутанулся вокруг своей оси — настроение взлетело до небес.

Если бы у Ши Вэйчжоу спросили, чего он боится больше всего на свете, ответ последовал бы без колебаний: скуки. Он принадлежал к той категории людей, для которых день без острых ощущений казался прожитым зря. Сколько он себя помнил, жизнь превращалась в бесконечный калейдоскоп развлечений. Из родной страны — за рубеж, из душного мегаполиса — на лоно природы. Гонимые болиды, элитные скакуны, парапланы, пилотирование самолетов, погружение на батискафах, охота в частных угодьях... Любая забава, каковой бы диковинной, сумасбродной или опасной она ни казалась, мгновенно попадала в сферу его интересов.

Но истинную страсть он питал к состязаниям. Жажда победы не давала ему покоя: Вэйчжоу содержал собственную гонимую команду, арендовал ипподромы, а едва получив лицензию пилота, тут же отправился в перелет из Женевы в Кур.

Пролетая над Монбланом, он всматривался в расстилавшуюся внизу землю. Горные гряды тянулись бесконечными вереницами, накатывая волнами — одна вершина выше другой. Однако не прошло и нескольких минут, как под ровное гудение двигателя Вэйчжоу разочарованно нахмурился. Изумрудные склоны, нагроможденные друг на друга, показались ему донельзя банальными. Хваленый полет над альпийскими пиками, о котором восторженно трубили на каждом углу, не вызвал ничего, кроме легкой досады. Вид с высоты птичьего полета быстро приелся, и в какой-то момент его накрыла оглушающая пустота.

«И зачем я вообще здесь?» — мелькнуло в голове.

Все изменилось ближе к концу маршрута, когда прямо по курсу выросла плотная пелена тумана. Как назло, именно в эту секунду отказали навигационные приборы. Сидевший рядом инструктор мгновенно оценил смертельную опасность ситуации. Сбиваясь на захлебывающийся английский, он принялся выкрикивать инструкции: когда закладывать вираж, какую высоту удерживать. Вэйчжоу уже собирался подчиниться, но краем глаза уловил профиль напарника — и замер. Испуганное выражение лица инструктора подействовало на него сильнее любого допинга.

Одно неверное движение — и они камнем рухнут вниз, превратившись в пылающий факел. Заметив, что ученик впал в оцепенение, инструктор окончательно поддался панике. Вэйчжоу гипнотизировал его: расширившиеся от ужаса зрачки, крупную каплю пота, сбегавшую по виску, задержавшийся угол губ. От этого зрелища самого Вэйчжоу захлестнула такая волна дикого, неистового восторга, что пальцы на штурвале едва не перестали слушаться.

Это было абсолютно новое, не изведенное прежде чувство. В одно мгновение мир уподобился шахматной доске, которую смахнула на пол заигравшаяся кошка: короли, ферзи, пешки и пыль смешались в единый хаос. Сжимая рукоять управления, Вэйчжоу среди этого раскаленного безумия четко слышал, как гулко, молотом о наковальню, стучит в груди собственное сердце.

Самолет все же чудом удалось посадить на аэродроме в глубине долины. Уже ступив на твердую землю, Ши Вэйчжоу еще долго не мог прийти в себя от пережитого катарсиса. Именно в тот день до него дошло: нет на свете ничего более увлекательного, чем человеческая натура.

С той поры он пристрастился изучать окружающих, превратив манипулирование людьми в свое главное хобби. Чужие эмоции стали для него сильнейшим стимулятором. С упоением он наблюдал за чужой радостью, отчаянием или болью, а уж страх, ярость и растерянность выпивал буквально до капли.

Вот тогда жизнь заиграла настоящими красками! Он понял: пока вокруг есть люди, скучать не придется. Вэйчжоу перестал отгораживаться от реальности и даже проникся симпатией к законам этого мира. По большому счету, ему было плевать на чужие искренние чувства или переживания — единственное, за чем он охотился, был тот самый миг, когда чужое лицо искажалось эмоцией, вызванной им лично.

Однако суровая реальность мешала игре. С раннего детства он купался в роскоши и всеобщем поклонении, привыкнув быть центром вселенной. На этом золотом олимпе, даже если бы он выбил кому-нибудь зубы, жертва лишь молча проглотила бы обиду и расплылась в угодливой, подобострастной улыбке.

Ши Вэйчжоу словно задался целью испытывать предел чужого терпения. Казалось бы, быть окруженным безграничным снисхождением — благо, но только не для него. Ему смертельно требовался оппонент: кто-то, кто подчинялся бы и одновременно бунтовал; кто-то, кто терпел бы его выкрутасы, но находился на грани взрыва. Только равная, азартная дуэль могла разжечь в нем огонь. Но увы... Те редкие находки, что дарили надежду, после пары попыток быстро увядали. Вокруг него было слишком много слепой любви и покорности, и это губило на корню весь азарт, вновь погружая его в уныние.

Но теперь все изменилось. В ту самую секунду, когда Бянь Хэ без колебаний вылил его коллекционное вино, Вэйчжоу осенило: вот он, идеальный соперник для затяжной партии! При всей своей избалованности и эгоцентризме Ши Вэйчжоу вовсе не был глуп. Он прекрасно понимал, что Бянь Хэ вовсе не горит желанием носить его на руках, а уж тем более делить с ним жилье. И чем сильнее Бянь Хэ подавлял свое глухое раздражение, тем слаще становилось предвкушение.

На этом каменном лице не отражалось ни единой эмоции, но именно эта невозмутимость и подстегивала интерес! Вэйчжоу сгорал от любопытства: насколько далеко ему придется зайти, чтобы сломать чужую броню?

«Разразится гневом, когда закончится терпение? Или свалится в тоску? А может, и вовсе сорвется в психоз?» — Ши Вэйчжоу откинул голову на подголовник, не в силах сдержать торжествующей ухмылки. «Впрочем, даже если сорвется — назад дороги нет!»

Вскочив с кресла, он с веселой песенкой шагнул к ростовому зеркалу и принялся поправлять

безупречно уложенную шевелюру.

В чем Ши Вэйчжоу не сомневался ни на миг, так это в собственной неотразимости. Лицо — чистое совершенство. От макушки до кончика подбородка — ни малейшего изъяна. Когда привлекательность достигает подобных высот, на вершине становится одиноко и холодно, а потому за все свои годы он так никого и не полюбил. За исключением, разумеется, собственного отражения.

За спиной тихо звякнул замок, и дверь номера распахнулась. В зеркальной глади возникло строгое, холодное как лед лицо. Должно быть, от удушающего зноя Бянь Хэ скинул пиджак и теперь перекинул его через руку, а в другой сжимал тяжелый дорожный чемодан. Он остался в одной лишь белоснежной сорочке.

Ши Вэйчжоу на пару секунд замер, замороженный этой картиной, и опомнился лишь тогда, когда силуэт сзади скрылся из виду.

— Эй, — окликнул он Бянь Хэ, разворачиваясь. — Тебя как звать-то?

— Ван Лян.

«Ван Лян», — мысленно повторил Вэйчжоу, поморщившись. Что за убогая кличка?

Впрочем, какая разница. С той самой минуты, как Бянь Хэ переступил порог, Ши Вэйчжоу перевел свои действия в режим полной боевой готовности. Война началась, и пощады в ней не предвиделось.

В последующие двое суток Вэйчжоу изошрялся как мог, выдумывая для своего охранника все новые и новые испытания. Стоило ему утром едва разомкнуть веки, как по номеру уже разносилось капризное «Эй!». То ему подай пить, то срочно подавай еду. Бянь Хэ, впрочем, реагировал мгновенно и без тени недовольства. За какие-то сутки он назубок выучил все причуды подопечного: с утра тому подавай ледяную воду, а перед сном — исключительно теплую.

А уж трапезы превратились в настоящий ад. Куда бы ни направился Вэйчжоу, Бянь Хэ следовал за ним как тень. Наливать суп и нарезать мясо — лишь верхушка айсберга. Блюдо не должно быть ни слишком горячим, ни чересчур остывшим. Если стружка из белого шоколада на панкейках легла криво — жди скандала. Разумеется, Вэйчжоу не упустил случая потребовать, чтобы его кормили с ложечки. Разве мог он упустить такой роскошный шанс изгальнуться над человеком?

Увы, в этой баталии он потерпел разгромное поражение. При всем своем детском вздоре Ши Вэйчжоу еще сохранял капли здравого смысла. Именно эти остатки благоразумия воспрепятствовали ему сидеть с открытым ртом на виду у всей публики, принимая пищу из рук взрослого мужика. Ну уж нет, позориться перед посторонними он был не готов.

Впрочем, не беда: за досадный промах всегда можно отомстить в другом месте. Все эти двое суток они были неразлучны. Пока Бянь Хэ находился поблизости, Вэйчжоу категорически отказывался стоять, если можно было сесть, и ни за что не сидел, если удавалось прилечь. Из его уст без конца летело раздражающее «Эй!», «Эй!». На этом фоне Шэнь Фэй почувствовал себя абсолютно лишним. Но тот и не думал обижаться — чем меньше работы, тем приятнее жизнь! По большей части Шэнь Фэй просто подпирал спиной стену да лениво строчил сообщения в телефоне.

Бянь Хэ же подходил к делу со всей серьезностью. Он беспрекословно исполнял капризы подопечного, покорно потакая любым прихотям — до тех пор, пока те не нарушали свод правил, составленный Ши Вэйчжоу. Ни тени покорности, ни единого намека на протест. Бянь Хэ с самого начала раскусил игру капризного барчука: Ши Вэйчжоу намеренно провоцировал его, и стоит поддаться — тот сядет на шею и свесит ноги.

Лучшая тактика здесь — полное игнорирование. Пусть говорит что угодно, делаем и не спорим. Этот парень походил на дикого кота: чем активнее за ним бегаешь с миской, тем дальше он забивается под диван. Но стоит присесть на корточки и сделать вид, будто тебе до него нет дела, как зверь сам придет тереться о ноги, выпрашивая внимание. Поэтому Бянь Хэ строго контролировал дистанцию, стараясь направить всю кипучую энергию Ши Вэйчжоу на их молчаливую дуэль. Занятый войной с охранником, тот просто не успеет сбежать или вляпаться в очередные неприятности.

Пошел второй день, и пока все шло гладко. Для Бянь Хэ эти сорок восемь часов тянулись словно вечность, но вытерпеть подобное было вполне реально.

Прямо сейчас Ши Вэйчжоу, уплетая пончики, перелистывал каталог тортов к завтрашнему празднику. Фолиант, изготовленный администрацией отеля специально для него, превосходил размерами даже самое раздутое меню. На каждой странице красовались фотографии кондитерских шедевров — шеф-кондитера выписали прямиком из Японии, и тот уже три дня дожидался заказа на острове.

Вообще-то определиться с десертом следовало еще вчера, однако по прибытии Вэйчжоу так увлекся противостоянием с Бянь Хэ, что за эти два дня даже ни разу не спустился к друзьям. Сюй Цзинмо приходилось связываться с ним исключительно по телефону, и лишь сегодня, случайным образом пересекшись на пляже, он тут же утащил Ши Вэйчжоу к себе в номер, чтобы наконец выбрать этот проклятый торт.

Вальяжно развалившись на диване, Вэйчжоу лениво пролистал пару страниц и, толком не глядя, ткнул пальцем в наугад выбранный вариант. Управляющий отелем понятиливо закивал, бережно принял фолиант и с глубоким поклоном удалился. Ши Вэйчжоу за все это время не произнес ни слова. Сюй Цзинмо, наблюдавший за этим перформансом, почувствовал, как внутри закипает раздражение. Он отложил кучу важных дел и прилетел на остров только ради того, чтобы отпраздновать день рождения друга, а в итоге за два дня едва выловил его!

— Вэйчжоу, если ты и дальше продолжишь играть в невидимку, я сразу после завтрашнего вечера улечу назад, — вполборота пригрозил Сюй Цзинмо.

Ши Вэйчжоу косо посмотрел на него, промолчал и, медленно прожевав последний кусок пончика, пробубнил невнятно:

— Не уезжай.

Стоявший неподалеку Бянь Хэ как ни в чем не бывало взял бумажную салфетку, осторожно смахнул остатки сахарной пудры с уголка губ Вэйчжоу, а затем подал ему бутылку минералки с уже открученной крышкой. Сюй Цзинмо, наблюдавший за этой идиллией, от возмущения потерял дар речи. И хотя он понятия не имел, какую очередную блажь тешит Ши Вэйчжоу, чутье подсказывало: на этот раз тот угомонится нескоро.

Цзинмо перевел взгляд на Бянь Хэ, который с самого момента их прихода с каменным лицом ухаживал за барчуком. «А парень-то со стальными нервами», — невольно подумал он. В эту самую секунду Бянь Хэ с ловкостью фокусника очистил сочный личжи и отправил прямо в рот Вэйчжоу. Тот без тени смущения принял угощение, пару раз качнул челюстями и привычным движением выплюнул косточку прямо Бянь Хэ в ладонь.

Смотреть на это непотребство не было никаких сил, и Сюй Цзинмо в глубочайшем отвращении отвернулся.

<http://bllate.org/book/20405/2106459>